

На правах рукописи

БОЛЛИГЕР Екатерина Игоревна

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИБЛЕИЗМОВ В
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РАЗНЫХ КУЛЬТУР**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь 2005

Работа выполнена на кафедре теории языка и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Н.Л. Галеева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Т.Ю. Сазонова
кандидат филологических наук, доцент
В.В. Елисеева

Ведущая организация: Уральский государственный педагогический университет

Защита состоится «___» _____ 2005 г. в ___ час. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, зал заседаний

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан «___» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

Реферируемая диссертация посвящена сопоставлению содержательного результата использования библеизмов в текстах разных культур, в частности, в их институциональном дискурсе.

Таким образом, **объектом** исследования являются *библеизмы* как любая интертекстуальная реализация библейского текста в любом тексте культуры или дискурсе. **Предметом** исследования является использование библеизмов в речах американских, британских, российских немецких и швейцарских политиков.

Актуальность работы обусловлена широкой представленностью библеизмов в институциональном дискурсе разных культур, особенно в американской культуре, и, соответственно, необходимостью сопоставительного изучения содержательного результата их применения.

В **цели** исследования входило установление состава наиболее употребительных библеизмов на русском, английском и немецком языках, а также сопоставление содержательных последствий их реализации в институциональных текстах.

Достижение поставленной цели предполагало решение следующих частных **задач**:

- в связи с тем, что Библия существует в европейской культуре как текст без оригинала, изучить историю наиболее авторитетных переводов Библии, ставших источниками цитации для соответствующих культур;
- на основании сопоставления существующих подходов к изучению библеизмов определить их функции и характеристики;
- исчислить наиболее употребительные библеизмы на русском, английском и немецком языках;
- собрать корпус институциональных речей на разных языках, в которых используются библеизмы;
- определить состав предельных понятий, используемых в Библии, задающих основные ценности Западной культуры;
- исследовать и сопоставить содержательные последствия использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур;
- выявить содержательные и формальные особенности проповеди, используемой в качестве текстового формата в американском институциональном дискурсе.

Материалом исследования послужили тексты речей руководителей государств, президентов, премьер-министров, и других ведущих политиков США, Великобритании, России, Германии, немецкоговорящих политиков Швейцарии. Корпус текстов составил 4318 единиц, из них 226 на русском языке, 3609 на английском, 483 — на немецком. Такая количественная диспропорция объясняется различной частотностью употребления библеизмов в соответствующих культурах. Мы разграничиваем британскую и американскую традиции использования библеизмов, поскольку сопостави-

тельный анализ показал их существенное как количественное, так и содержательное отличие. Критерием отбора текстового материала послужил фактор известности оратора, значимости его в политической жизни страны.

В исследовании использовались следующие методы: сплошной выборки, сопоставительного анализа данных с элементами контекстуального, интерпретативного и количественного анализа.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- выявлены и сопоставлены содержательные различия в использовании библеизмов в институциональном дискурсе разных культур;
- установлен состав наиболее цитируемых в институциональном дискурсе библеизмов на русском, английском и немецком языках;
- доказано, что американский институциональный дискурс характеризуется наиболее интенсивным использованием библеизмов, причем институциональные тексты часто целиком строятся с использованием жанровых признаков проповеди;
- определено, что институциональный дискурс в других рассматриваемых культурах не имеет явленных особенностей в использовании библеизмов, что позволяет противопоставить в этом отношении европейский и североамериканский институциональный дискурсы.

Теоретической основой настоящей диссертации послужили работы отечественных и зарубежных исследователей библеизмов, исследования, посвященные переводам Библии, теории текста и дискурса.

Теоретическая значимость данного диссертационного исследования определяется тем, что:

- библеизмы рассматриваются как прецедентные феномены, используемые в институциональном дискурсе;
- устанавливаются существенные различия использования библеизмов в институциональном дискурсе Америки, Великобритании, России, Германии и Швейцарии;
- переводы Библии изучаются как источник библеизмов в разноязычных культурах;
- различия в употреблении библеизмов рассматриваются в качестве основания для сопоставления европейского и североамериканского институциональных дискурсов;
- установлено, что библеизмы в американском институциональном дискурсе используются для псевдосакрализации и нерелективного освоения любого содержания.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Библейский текст является источником прецедентных феноменов с фиксированным содержанием — библеизмов — для последующих текстов Западной культуры, в частности, для институционального дискурса.

2. Библия рассматривается как центральный текст Западной культуры и источник предельных понятий, организующих ее мышление в целом.

3. Поскольку переводы Библии на национальные языки функционируют в каждой культуре в качестве оригинала, через них закладываются основы конфессиональных и культурных различий.

4. Характер использования библеизмов может служить одним из существенных оснований для сопоставления институционального дискурса разных культур.

5. В американском институциональном дискурсе используются жанровые признаки проповеди, что снимает для реципиента трудности понимания и приводит к псевдосакрализации любого содержания и к фактической десакрализации и ритуализации самих библеизмов.

6. Британские, немецкие, русские, швейцарские институциональные тексты демонстрируют сходные черты в использовании библеизмов, что позволяет говорить о европейской традиции использования библеизмов в институциональном дискурсе, имеющей явленные содержательные отличия от американской.

7. Перевод библеизмов, используемых в институциональном общении, предполагает использование соответствующих эквивалентов, заимствованных из наиболее авторитетных для данной культуры переводов.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов выполненного исследования в лекционных курсах по общему языкознанию, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, в курсах по лингвострановедению и переводу. Корпус наиболее частотных библеизмов на трех языках, представленный в Приложении, предназначен для использования практическими переводчиками. Материалы исследования могут иметь практическую ценность для других специалистов гуманитарного профиля: политологов, социологов, культурологов.

Апробация работы. Основные положения и результаты реферируемого исследования обсуждались на заседаниях кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета, на II Межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (г. Томск, 2002 г.), на VIII Тверской герменевтической конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (г. Тверь, 2002 г.), на международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация» (г. Омск, 2002 г.).

По теме диссертации опубликовано 7 работ общим объемом около 2,5 п.л.

Структура работы. Поставленные цели и задачи определили структуру диссертации, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списков литературы и источников библеизмов и институциональных речей, а также двух приложений. Во введении дана общая характеристика работы: определены предмет, цели, задачи и гипотеза исследования, обосновываются

актуальность и научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, характеризуются материалы и методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту. В первой и второй главах обобщаются вопросы теории: в частности, определяются ключевые для данной работы понятия: «пратекст» и «библеизм». Третья глава носит исследовательский характер и представляет собой сопоставительное описание реализации библеизмов в институциональном дискурсе разных культур.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Библия как центральный текст Западной лингвокультуры» посвящена определению места библейского текста в Западной лингвокультуре как источника формирования национальных культур, и, в частности, источника влияния на последующий дискурс, в том числе и на институциональный дискурс.

В мировой культуре выделяются несколько макрокультур, формирующихся вокруг своих центральных текстов, которыми *de facto* служат сакральные тексты. Существенными в этом отношении являются: Западная лингвокультура с центральным текстом Библией; Дальневосточная лингвокультура, формирующаяся вокруг буддистского канона; Ближневосточная лингвокультура, центральным текстом которой выступает Коран. Эти тексты определили особенности формирования и способы мышления соответствующих лингвокультур. При этом Т.Н. Снитко [1999] употребляет термин «Западная лингвокультура» как синоним европейской культуры, включая сюда и культуру Америки, которая также использует Библию в качестве центрального текста. Однако наше исследование показало, что американская и европейская традиции использования библеизмов в последующем дискурсе имеют значительные различия, поэтому мы говорим о Западной лингвокультуре и о европейской и американской традициях использования библеизмов в институциональном дискурсе.

В Западной лингвокультуре сложилась ситуация, когда центральный текст культуры оказывается доступным исключительно в переводах, поскольку языки оригинала и даже ранних переводов вышли из употребления. В силу этого переводы на национальные языки играют значительную роль при «построении культур» [Bassnet, Lefevere 1998], причем перевод одновременно является и способом интерпретации текста.

В частности, с новыми переводами Библии была тесно связана Реформация: протестантские переводы оказали значительное влияние на развитие общества, определив своеобразие англоязычной и немецкоязычной культур. Например, перевод King James Version (1611) фактически занял в англоязычной лингвокультуре место оригинала, а версия Мартина Лютера не только дала начало протестантизму, но и способствовала формированию

современного немецкого языка. Протестантская традиция широко распространилась в англоязычных и немецкоязычных культурах в силу того обстоятельства, что отказ от посредника между человеком и Богом, а, следовательно, большая ответственность человека за свои действия оказались созвучны демократическим традициям. Именно поэтому протестантские переводы Библии, характеризующиеся сознательной симплификацией, для того чтобы быть понятными простому человеку, стали источником библеизмов, используемых в институциональном дискурсе.

На примере Псалма Давида в реферируемой работе демонстрируется различие католических и протестантских переводов Библии на английский язык. Католический перевод лексически и синтаксически тяготеет к латинской версии, тогда как протестантские версии (King James Version — KJV) основаны на исконной лексике и в силу этого более доступны.

KJV (протестантская)	The Douay-Rheims (католическая)	Vulgata (латинская)
<ul style="list-style-type: none"> • the LORD is my shepherd: I shall not want 	<ul style="list-style-type: none"> • the Lord <u>ruleth</u> me: and I shall want <u>nothing</u> 	<ul style="list-style-type: none"> • Dominus <u>reget</u> me et <u>nihil</u> mihi deerit
<ul style="list-style-type: none"> • thy rod and thy staff they comfort me 	<ul style="list-style-type: none"> • and my <u>chalice</u> which <u>inebreateth</u> me, <u>how goodly it is!</u> 	<ul style="list-style-type: none"> • et <u>calix</u> meus <u>inebrians</u> <u>quam praeclarus est</u>
<ul style="list-style-type: none"> • <u>in the house of the LORD</u> for ever 	<ul style="list-style-type: none"> • And that I may dwell <u>in the house of the Lord unto length of days</u> 	<ul style="list-style-type: none"> • et ut inhabitem <u>in domo Domini in longitudinem dierum</u>

В первом примере в протестантской версии вводится метафора Бога-пастуха, понятная обыденному сознанию. Эта метафора отсутствует в латинской и Дуай-Реймской католических версиях, хотя она широко распространена в протестантских лингвокультурах. Далее в латинской версии утверждается, что человек, которым управляет Бог, больше ничего не будет хотеть. В протестантской версии говорится, что человек не будет нуждаться, т.е. значение прагматически сужено.

Библия, являясь центральным текстом Западной культуры, задает ряд общекультурных предельных понятий (термин Т.Н. Снитко), т.е. понятий, имеющих максимальную степень абстракции и проясняющихся в последующих текстах культуры. Эти понятия были выделены нами в тексте Библии и рассмотрены в институциональных текстах. Предельные понятия, такие как «добро», «зло», «любовь», «вера», «свобода», не принято рассматривать в составе библеизмов, под которыми преимущественно понимаются фразеологизмы и «крылатые слова». Однако как основания лингвокультуры они задаются именно в Библии, что и обусловило их рассмотрение в работе.

Говоря о Библии, мы предпочитаем говорить о *тексте* или пратексте

как фиксированном в переводах явлении культуры, поскольку текст рассматривается как фиксация человеческой мыследеятельности. Последующая реализация библеизмов осуществляется в *дискурсе* как динамическом и включенном в постоянную деятельность объекте. Проблеме определения дискурса посвящено большое количество работ (J. Kinneavy, D. Schiffrin, T. A. van Dijk, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, М. Л. Макаров, Т. Милевская и др.). Наиболее предпочтительным представляется понимание дискурса, которое объединяет и динамический процесс языковой деятельности, включенной в социальный контекст, и ее результат.

Во второй главе «Библеизмы как прецедентные феномены» рассматривается понятие библеизма, приводятся классификации библеизмов, изучаются характеристики библейской и околобиблейской проповеди, анализируются отличительные признаки протестантской проповеди — ее синтаксические, ритмические, лексические и жанровые особенности, поскольку проповедь как жанр важна для организации американского институционального дискурса.

Большое количество работ в российской лингвистике посвящено исследованию феномена библеизма, причем аналогичного термина в зарубежных исследованиях нами не обнаружено, хотя это не означает, что сам феномен там не исследуется.

Под библеизмом в работе понимается любая интертекстуальная реализация библейского текста в любом другом тексте культуры или дискурсе. Существует некоторый корпус библейских фрагментов, которые наиболее часто используются в других текстах культуры и в этом отношении являются библеизмами.

Библеизмы маркируются на всех языковых уровнях.

1. Фонетический уровень: устаревший вариант фонемы «*во всех языцех*» в отличие от нормативной формы «*во всех языках*» маркирован как библеизм; звуковые повторы, фронтально характеризующие библейский текст «*Blessed are the merciful*», «*Blessed are the peacemakers*», «*Rejoice, and be exceeding glad*».

2. Морфемный уровень: устаревшие формы — 3 л. ед. ч. в английском языке *cometh, divideth, knoweth*; форма пр. вр. в русском языке *не приняша, глаше*; инфинитива *бытии*; действительного причастия *покрывающа и соблюдающа*; формы звательного падежа *Боже! Господи! Ангеле!*

3. Лексический уровень: выделяется специфическая библейская и околобиблейская лексика, отсылающая к Библии: антропонимы — *Иуда (Judas), Иов (Job), Валтазар (Belshazzar, Belsazer)*; топонимы — *Голгофа (Golgotha, Golgatha /нем./), Иерихон (Jericho), Содом и Гоморра (Sodom, Gomorrah), Гефсимания (Gethsemane), Вавилон (Babel, Babylon)*; книги Библии — *Исход (Exodus), Апокалипсис — Откровение Иоанна Богослова (Revelation, Offenbarung /нем./, Apocalypse)*; библейские реалии — *Ноев Ковчег (Noah's Ark, die Arche Noah)*; архаизмы и церковнославянизмы в

русском языке — «еже» — что, в чем, «днесь» — сегодня, «даруй» — дай, «алчущий» — жаждущий и т.п.; фразеологические обороты — *he that seeks finds, the stones will cry out, a land flowing with milk and honey.*

4. Синтаксический уровень:

1) на уровне предложения: помимо других признаков библеизмы маркированы параллельными конструкциями, часто анафорическими или эпифорическими — **Блаженны** нищие духом, *ибо их есть Царство Небесное. Блаженны* плачущие, *ибо они утешатся. Блаженны* кроткие, *ибо они наследуют землю* (Матф. 5:3-5); лексическими триадами, символизирующими триединство Бога — *And now abideth **faith, hope, charity**, these three; but the greatest of these is charity* (1 Кор. 13:13); анадиплосисом — *Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его* (Матф. 1:2); полисиндетоном, ритмически организующим текст, — *And they departed from before Pihahiroth, **and** passed through the midst of the sea into the wilderness, **and** went three days' journey in the wilderness of Etham, **and** pitched in Marah* (Числ. 33:8); хиазмом — *Beloved, let us love one another: for love is of God; and every one that loveth is born of God, and knoweth God. He that loveth not knoweth not God; for God is love* (1 Иоан. 4:7-8). Синтаксические конструкции задают специфический ритм, само появление которого в тексте является интертекстуальной отсылкой к Библии;

2) на уровне текста: библейские жанры *проповедь, молитва, песнь, притча* используются в последующем дискурсе одновременно и как вставные, и как самостоятельные жанры светского дискурса, в том числе и институционального.

Проповедь является комплексным монологическим жанром, при этом она может включать субжанры (внутренние жанры – *intrinsic genres*) — притчу, молитву, рассказ, совет, просьбу и др.). Проповедь представляет собой публичную речь священнослужителя, обращенную к прихожанам, и содержащую разъяснение положений вероучения, комментарии к Священному Писанию, рекомендации к соответствующему поведению. Будучи предназначенными для произнесения, проповеди, тем не менее, не являются спонтанным дискурсом и представляют собой тексты, приготовленные заранее и содержащие достаточно строгие формальные признаки. Формальными жанровыми признаками проповеди являются: ритуальные вступления и концовки, обращения, вставные жанры; библейские цитаты, ритм, создаваемый просодико-фонологической структурой, регулярными, порой избыточными, повторами, параллелизмом (фонетическим, лексическим, семантическим, синтаксическим), симметричным построением колонов и т.п.; наличие маркированного климакса/градации; риторические вопросы; хиазмы; антитезы и бинарные оппозиции, часто включающие предельные понятия; лексические триады, представляющие собой либо триадные повторы одного слова, либо триады, состоящие из трех разных слов (*mercy, charity, kindness*), находящихся как в отношении взаимодополнения, так и

смыслового развития; архаизмы, вне зависимости от времени создания го- милетического текста; оппозиции местоимений 1 лица мн. ч. (*мы — паства*) 2 лицу ед.ч. (*ты — Господь*).

Третья глава «Реализация библеизмов в институциональном дискурсе» представляет собой сопоставительное исследование использования библе- измов в американском, британском, немецком, швейцарском и российском институциональном дискурсе с целью выявления содержательных и фор- мальных особенностей их использования в каждой из культур.

Под институциональным дискурсом понимается «специальная клиши- рованная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного со- циума» [Карасик 1996 : 22]. Следовательно, институциональным общением является речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, статус ко- торых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития.

Изучение американского институционального дискурса показало, что библеизмы реализованы в нем наиболее интенсивно по сравнению с ин- ституциональным дискурсом рассматриваемых европейских культур, при- чем библеизмы, используемые на всех уровнях дискурса, делают его ква- зисакральным. Анализ библеизмов в американском институциональном дискурсе дал основание утверждать, что речи американских политиков об- ладают большинством формальных признаков проповеди. При этом, если считать библейские проповеди прецедентными текстами первого порядка, а последующие околобиблейские проповеди прецедентными текстами вто- рого порядка, то в институциональном дискурсе имеется прецедентность уже третьего порядка.

1. Композиционные особенности проповеди, используемые в институ- циональном дискурсе: ритуальные вступления и концовки, обращения, вставные жанры (призыв к молитве, вставные нравоучительные истории, притчи).

Молитва: «...that larger awe and wonder that causes us to bow our heads in *faith* and say of those we mourn, those we have lost, *the words of scripture: "Lord now let Thy servants go in peace, Thy word has been fulfilled" ... We pray that God will give some share of the peace that now belongs to those we lost, to those who knew and loved them in this life*» (Rumsfeld, October 11, 2001).

Две трети рассматриваемых в данной работе речей американских по- литиков имеют ритуальную концовку «*God bless America*», «*May God bless America*», «*God bless*» и т.п., что прямо указывает на проповедническую, мессианскую функцию говорящего, ассоциирующего себя с пастырем (пастухом) нации. Тем не менее, ее частотность приводит к десемантизации и ритуализации данного библеизма в американском институциональном

дискурсе. Примером полной десемантизации библеизма служит клише официальных публичных заявлений: *IN WITNESS WHEREOF, I have hereunto set my hand this twenty-second day of November, in the year of our Lord two thousand two, and of the Independence of the United States of America the two hundred and twenty-seventh.* (Bush, November 22, 2002).

2. Лексические, синтаксические и прочие библеизмы, используемые в институциональном дискурсе и характерные для библейской и для около-библейской проповеди:

1) цитация: цитата обычно выделяется в тексте графически и указанием на источник, а при произнесении интонационно:

*But today we find strength in the words of the Psalmist. Psalm 27: «**Hope in the Lord. Be strong, and let your heart be valiant**» (Wolfowitz, December 9, 2001).*

2) лексические библеизмы:

- упоминания книг Библии — *the Gospel of St. Luke, chapter 8, verses 5-8 (Paige, May 4, 2002), As the book of James reminds us... (Bush, February 1, 2001);*

- религиозные праздники — *Easter is the most important event of the Christian faith (Bush, April 17, 2003);*

- имена Бога и библейские антропонимы — *the Giver of life, gift of a Creator (Bush, September 11, 2002), But liability insurance drove this good Samaritan out of the state (Bush, March 4, 2003);*

- околобиблейская лексика — *Dorothy Day, the founder of the Catholic Workers Movement (Ashcroft, December 5, 2003);*

- аллюзии на библейские события и законы — *Because there are houses of worship where people have heard the universal call to love neighbor like they'd like to be loved, themselves (прямая ссылка на евангельские заповеди Христа)(Bush, March 29, 2001);*

- предельные понятия, христианские ценности — *God can bring good from evil. We need only look at the outpouring of compassion and charity that followed the attacks of September 11th for proof of this truth; **God's call to brotherhood** (Wolfowitz, November 30, 2001);*

- переосмысленные фразеологические библеизмы — *Ladies and gentlemen of the class of 2001: you are **the salt of the earth and the light in the house**”, “I say to you one last time: **You are the light**. Give light to all in the house (Paige, May 19, 2001) [ср. (Матф. 5:13-15)].*

3. Риторические особенности проповеди, используемые в институциональном дискурсе:

- средства субъективной модальности, эмфатические конструкции (восклицания, риторические вопросы, прямые обращения к аудитории и т.п.);

- фигуры упорядоченного повтора, характеризующиеся симметричным или сквозным расположением в тексте (например, симметричные

лексико-синтаксические параллелизмы, ритмизирующие речь аналогично проповеди);

- несимметричные повторы, которые используются в тексте нерегулярно (триады, лексические параллельные конструкции, разнообразные подхваты, противопоставления, фонетические аллитерации, ассимиляции и т.п.).

Речь президента Дж. Буша (от 7.10.2001) является одним из характерных примеров использования формальных признаков проповеди. Наряду с лексическими библеизмами и предельными понятиями из Библии, такими как *справедливость, свобода, миссия, добро—зло, свобода, мир, терпение, справедливость, вера*, используются и другие формальные признаки проповеди, которые, возможно, не презентуются обыденному сознанию, но звучат как нечто знакомое и понятное, а в силу этого не подлежащее сомнению. При этом в тексте оправдывается неоднозначное событие — вторжение американских вооруженных сил в Афганистан. Для воссоздания библейского ритма намеренно избыточно используется параллелизмы, осложненные другими стилистическими приемами (повторы, подхваты, градация, ассимиляция и т.п.): *I'm [sp]eaking to you today from the Treaty Room of the White Hou[s]e, -- a [p]la[c]e where American [P]resident[s] have worked for [p]lea[c]e. WE're a [p]lea[c]eful \nation. -- Yet, as WE have learned, [s]o [s]uddenly and [s]o tragically, - there can be no [p]lea[c]e -- in a world of [s]udden terror. --- In the fa[c]e of today's new threat, the only way to [p]ur[s]ue [p]lea[c]e is to [p]ur[s]ue those who threaten it; [W]E [w]ill not \[w]aver; -- [W]E [w]ill not \tire; -- [W]E [w]ill not \falter; -- ^{and}. [W]E [w]ill not \fail. -- \Peace and \freedom will pre\vail.* Среди параллельных контрукций особенно часты триады: *WE'll al[s]o drop /food, /medi[c]ine and [s]upp/lie[s] to the [st]arving and [s]uffering \men ^{and} \women ^{and} \children of Afghani[st]an.* При этом триада типа *food, medicine and supplies* в данном контексте вполне может рассматриваться как ритмизирующий библеизм, использованный не только для передачи соответствующих значений, но и для аллюзии на библейский ритм.

Таким образом, форма проповеди используется для максимального воздействия: в сакральной форме представляется любое несакральное или антисакральное содержание, например, призыв к войне. Институциональный дискурс представляет собой дискурс убеждения, спрятанный за библеизмами и использующий их как еще одно основание понимания, существующее для тех, кто привык понимать, используя привычные схемы. Использование знакомого формата с обилием десемантизированных библеизмов приводит к своего рода «убаюкиванию» понимания. Такой риторический подход эффективен, потому что любой частный смысл он превращает во всеобщий, а выход к нему не требует усилий со стороны реципиента. В этом смысле понимание превращается в квазипонимание, наравне с тем как политик становится квазипастором, а аудитория — квазипаствой.

Большое количество библеизмов подтверждает стремление продуцента дискурса к обеспечению безинтерпретативной рецепции.

Сопоставительный анализ институционального дискурса показал различия британской и американской риторических традиций использования библеизмов. В британском институциональном дискурсе библеизмы используются гораздо реже, чем в американском, преимущественно в виде *цитат* и *аллюзий*, главным образом в речах королевы, которая является главой англиканской церкви. Речи королевы насыщены библеизмами в виде предельных понятий — «peace», «pray», «He», «bless», «tolerance», «faith», «support the weak»: *The founder of the Christian faith himself chose twelve disciples to help him in his ministry (Elisabeth II, 25.12.2003).*

В британском светском институциональном общении библеизмы употребляются редко. Однако, если государственный институт Великобритании общается с представителями церкви, как, например, речь бывшего премьер-министра М. Тэтчер (21.05.1988), характер дискурса неизбежно меняется. Использование библеизмов в британской традиции институционального дискурса ограничено и расширяется только в случае сопряженности светского общения с религиозным.

Основное отличие британской риторической традиции от американской заключается в том, что апелляция к Библии, религии, церкви, нравственным ценностям предназначена для рефлексии, а не эмоциональной возбудимости, и как результат построена аргументированно и аналитически. Донесение смысла до реципиента в британских институциональных текстах происходит в виде аргументации с привлечением библейского текста. Значимые стилистические средства проповеди в британском институциональном дискурсе отсутствуют.

Русскоязычный и немецкоязычный институциональные дискурсы объединяются нами в силу того, что в них отсутствует маркированная риторическая установка на использование библеизмов.

В речах президента России библеизмы появляются в качестве деэтимологизированных «крылатых слов», как отступление от официального тона: *У нас на Руси есть такая поговорка — Вы, наверное, ее знаете, поскольку так хорошо владеете русским языком. У нас говорят так: **некоторые люди у других в глазу соринку маленькую замечают, а у себя, в собственном глазу, бревна не видят** (15.03.04). [Ср. «Что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не чувствуешь?» (Лука 6:41); «И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не чувствуешь?» (Матф. 7:3)].*

Употребление библеизмов маркирует переход от официальной к разговорной, обыденной речи, поэтому при записи они ставятся в кавычки: *Прежде всего, механизмы финансирования политических партий остаются для избирателей пока **«тайной за семью печатями»** (16.05.2003). [Ср. «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри*

и отвне, запечатанную семью печатями...» (Откр. 5:1-14)].

В немецких и швейцарских речах используются библейские предельные понятия. Обращения к предельным понятиям, таким как «вера», «религия», «свобода», «мир» наблюдаются в моменты кризисов, природных катаклизмов, войн и не характерны для повседневного институционального дискурса, что отличает его в этом отношении от американского институционального дискурса, где библеизмы используются в институциональном дискурсе постоянно. В основном, в немецкоязычном дискурсе это околобиблейская христианская лексика: *Frieden—Krieg, Glauben, Freiheit, Kirche, Religion*.

Таким образом, в немецкой, швейцарской и российской культуре утратилась непосредственная связь с библейским текстом. Библеизмы со стертой этимологией используются в речах определенной тематики (праздники, культурные события) или в периоды глобальных катастроф, когда человеку свойственно задумываться над вечными ценностями.

Исследование показало, что внутри Западной культурной традиции, использующей Библию как центральный текст культуры, отчетливо противопоставляются европейская и североамериканская традиции употребления библеизмов в институциональном дискурсе.

В случае необходимости перевода библеизмов, используемых в составе институциональных текстов, переводчик должен прежде всего усмотреть их в качестве таковых и воспользоваться для перевода готовыми соответствиями из наиболее авторитетных переводов соответствующих культур. С этой целью был составлен Глоссарий, приведенный в Приложении 2.

В *заключении* подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы. Список использованной литературы содержит 173 единицы. В *Приложении 1* приводится пример религиозной проповеди, речи американского президента Дж. Буша и бывшего премьера Великобритании М. Тэтчер. В *Приложении 2* представлен Глоссарий наиболее употребительных библеизмов на русском, английском и немецком языках.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Сайдакова (Боллигер) Е.И. Динамика переводов Библии // Языковые подсистемы: стабильность и динамика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Л. Галеева. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. — С. 144-149.

2. Сайдакова (Боллигер) Е.И. Перевод библеизмов как закономерных соответствий // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. науч. ст. II межвуз. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. Н.А. Качалов. — Томск: Томск. политех. ун-т, 2002. — С. 153-154.

3. Сайдакова (Боллигер) Е.И. Формальные элементы проповеди в речи американского президента // Межкультурная коммуникация: материалы научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Г. Гичева. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. — С. 34-37.

4. Боллигер Е.И. Параллелизм в сакральных текстах // Богинские чтения: Материалы VIII Тверской герменевтической конференции / Отв. ред. Н.Л. Галеева. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. — С. 17-19.

5. Боллигер Е.И. Поэтика нагорной проповеди как интертекст // Лингвистика и филологическая герменевтика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. — С. 9-15.

6. Боллигер Е.И. Галеева Н.Л. Гомилетические черты в американских институциональных текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Отв. ред. А.П. Чудинов. — Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2003. — Т. II. — С. 232-239.

7. Боллигер Е.И. Проповедь как библеизм // Язык и его функционирование: Межвузовский сб. науч. тр. / Отв. ред. В.И. Иванова. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. — С. 8-17.